

Предисловие

Монография посвящена исследованию процессов формирования особенностей строя одного из уникальнейших и своеобразных бурятских говоров – нижеудинского, специфические черты которого сформировались как в области фонетики, так и грамматики и лексики. Особенно много своеобразия имеется в его звуковом строе и лексическом составе, что не позволяет объединить данный говор ни с одним из современных бурятских говоров и заставляет считать его отдельным говором, существующим самостоятельно вне системы как эхирит-булагатских и присаянских бурятских говоров, так и хоринских и южных. Поэтому системное изучение этого говора позволит уточнить классификацию бурятских говоров, даст новый материал для сравнительно-исторического изучения бурятского языка. Несмотря на то, что нижеудинский говор привлек внимание ученых еще в 30-е гг. и продолжал изучаться позднее, в 50–60-е гг., до сих пор нет системного описания его строя, не выявлены, не систематизированы, не объяснены его специфические черты. Данная работа восполняет пробел и посвящена главным образом решению этих проблем.

Для исследования были использованы все опубликованные материалы по говору, а из-за недостаточности последних привлечены в первую очередь полевые диалектологические материалы, собранные самим автором у нижеудинских бурят в разное время. Используются также широкие сравнительные материалы из различных современных и древних монгольских языков. Работа вводит в научный оборот новый уникальный фактический материал и его интерпретацию.

Монография состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии. Во введении дана история изучения нижеудинских бурят и их языка, уточняется место говора в системе говоров бурятского языка, приводятся общие сведения по расселению, родовому составу, истории и основным особенностям хозяйства и культуры его носителей. В главах рассмотрены особенности звукового строя, грамматики и лексики. Выявлены специфические черты говора на всех исследованных языковых уровнях, и сделана попытка объяснения путей их возникновения и развития.

Автор

Из всех современных бурятских говоров, пожалуй, лишь нижеудинский является наиболее продвинутым на запад, в район непосредственных контактов с языками иных групп, а именно: с тюркоязычными тофаларами (по настоящее время) и с кетоязычными коттами (еще в недавнем прошлом).

Относительная оторванность исследуемого говора от основной массы других бурятских говоров, а в данном случае от массива западных бурятских говоров, и контакты с другими языками обусловили некоторую его обособленность и развитие в нем ряда специфических черт во всех языковых уровнях.

Связи с тюркскими языками имели в прошлом и другие бурятские говоры, о чем свидетельствует наличие тюркизмов в них и литературном бурятском языке [Рассадин 1969, с. 131], которые бытуют здесь наряду с общемонгольскими тюркизмами [Рассадин 1970, с. 53–54]. Тюркизмы нижеудинского говора были рассмотрены нами отдельно [Рассадин 1988а, в].

О вхождении тюркского компонента в этнический состав бурят ученые говорят уже давно [Токарев 1953, с. 37–52]. Есть предположение, что и сам этноним *бурят* тюркского происхождения и представляет собой перевод на тюркский язык древнего этнонима *чинос*, которым называла себя часть протобурят еще в середине I тысячелетия н. э. [Цыдендамбаев 1972, с. 278–279]. Сами буряты и территория Прибайкалья находились в то время в подчинении у тюрков вплоть до XII–XIII вв., до возвышения монголов [Там же].

Языковые данные свидетельствуют, что из всех бурятских племен именно западные, добайкальские, имеют наибольшее тюркское влияние. Историки утверждают, что западные буряты включили в свой состав курыкан – тюркоязычных предков якутов [Токарев 1953, с. 37–52].

Объектом нашего исследования является говор нижеудинских бурят, претерпевший наибольшее влияние тюрков и иных народов.

Материалами послужили как данные из имеющейся лингвистической литературы [Castrén 1957, Санжеев 1930, Дарбеева 1960; 1972; 1974; 1978], так и полевые записи диалектологического материала, произведенные нами в разное время среди бурят Нижнеудинского района Иркутской области Российской Федерации.

Нижнеудинский говор, как и другие говоры бурятского языка, специально еще не изучался в аспекте его взаимодействия с тюркскими языками. При этом следует иметь в виду не только современное взаимодействие языков в условиях маргинального контактирования в определенном географическом ареале, но и бытование подобных контактов в прошлой истории изучаемого говора. Кроме того, нельзя не учитывать общее типологическое явление, согласно которому в условиях маргинального контактирования у языков (как следствие контакта народов, их носителей), даже различных семей, групп, постепенно в ходе их эволюции, появляются сходные черты на всех уровнях – в фонетике, грамматике и тем более в лексике. Происходит это в результате явления диффузии. При этом, как правило, более развитый экономически и культурно народ влияет на менее развитый. Обратное влияние в языке наблюдается главным образом при субстратных отношениях, когда малые этнические группы переходят на язык своих более сильных экономически, более развитых культурно и более многочисленных соседей. В прошлой истории народов, на более низких ступенях общественного развития, при общинно-родовом и феодальном строе совершалось непрерывное передвижение племен и родов, их объединение в племенные союзы, распад последних, объединение в новые союзы. И каждый раз это случалось насильственно, в результате завоеваний, возвышения того или иного племени и захвата, подчинения им соседних, более слабых племен. Все эти события нашли в той или иной мере отражение в языках этих племен и дожили до наших дней в виде диалектных особенностей и своеобразий.

В современную эпоху не может быть и речи о каком бы то ни было насильственном подчинении народов и их растворении среди многочисленных соседей. В наше время процессы взаимодействия языков осуществляются в жизни совершенно иными путями. Основным из них является добровольное контактирование носителей разных языков в процессе экономического и культурного строительства. Это общение разных народов сейчас происходит на третьем языке, языке межнационального общения, каким для изучаемого географического ареала является русский язык. Именно на русском языке общаются сейчас тувинцы и окинские буряты, тофалары и окинские и нижеудинские буряты. Есть, конечно, и случаи отклонения от этого правила, когда пожилые тофы, освоившие еще во время своего детства бурятский, общаются с бурятами на бурятском языке. Современные тофы, как правило, бурятского языка не знают, так же как не знают тофаларского языка нижеудинские и окинские буряты.

Таким образом, если и выявляются в нижеудинском говоре бурятского языка специфические особенности, происхождение которых можно объяснить тюркским влиянием, то влияние это, по-видимому, есть результат каких-то контактов в прошлом, когда не было между бурятами и тюрками посредничества русского языка.

В научной литературе нижеудинскими принято называть тех бурят, которые живут в окрестностях г. Нижнеудинска в какой-то мере изолированно от других групп бурят. Говор этих бурят до сих пор не изучен в достаточной степени. По имеющимся данным, он представляет собой довольно своеобразную картину в языковом отношении по сравнению с другими бурятскими говорами.

Впервые в научной лингвистической литературе о языке нижеудинских бурят говорится в труде М. А. Кастрена по грамматике бурятского языка [Castrén 1857]. Здесь у него даны отдельные грамматические формы и включены в общий словарь из 2580 слов и слова из нижеудинского говора (их около 1220), снабженные соответствующей пометой.

Почти через 70 лет после Кастрена была опубликована брошюра Г. Д. Санжеева, посвященная фонетическим особенностям нижеудинского говора [Санжеев 1930]. В ней сообщаются и некоторые общие сведения о нижеудинских бурятах.

По данным Г. Д. Санжеева, нижеудинцы, по их смутным преданиям, перекочевали из Монголии около 250 лет тому назад, видимо, в результате движения ойратов. О деталях этой перекочевки их предания молчат.

По своему этническому составу, как утверждает Г. Д. Санжеев, эти буряты делятся на следующие роды: *кхотомут*, *түмёшэ* (< *түмён* < *темён* < **temegen* "верблюды"), *шарāt*, *күлмёнгэ*, *мәнжирāk*, *турālāk*, *кхоршōң*. Последние два рода собственно и бежали из Монголии, остальные же являются элементами адаптированными: *күлмёнгэ* и *шарāt* прибыли, без сомнения, из Унги, где эти роды имеются; род *мәнжирāk*, вероятно, тюркского происхождения (об остальных сказать что-либо очень трудно) и встречается также среди дархатов у Косогола. Далее Г. Д. Санжеев пишет: "В порядке гипотезы я допускаю мысль, что основная масса нижеудинцев состоит из беженцев из Западной Халхи, где, быть может, существовали (как и ныне) некоторые диалекты, которые представляли нечто среднее между ойратским и халхаским языковыми мирами [Владимирцов 1923, с. 32–52], чем, возможно, и следует истолковать фонетические особенности в бурНу.

Некоторыми моими коллегами монголистами "к" (к, кх) в бурНу принимается за результат тюркского влияния; это толкование не может быть оправдываемо тем, что соседями нижеудинцев являются карагасы, ибо в бурНу мною элементы тюркизма не обнаружены; напротив, мы выше имели *дүр'ё* < ойр. *дөрä*, *төрё* < ойр. *төрä*, *jahākхä* < ойр. *jasākхä* и т. д.

Уложением Сперанского в первой четверти XIX в. нижеудинцы были включены в состав Унгинского ведомства, от которого они отошли в конце того же века и образовали Соловецкую Инородную Управу. До начала XIX в. они были подчинены "Приказной Избе Нижнеудинской земли", архив которой, к сожалению, за год до моего посещения погиб от пожара.

А

Ныне тамошние буряты вместе с русскими составляют Солонецкое сельское общество с общим сельсоветом во главе и живут в трех улусах: Кушум, Порог и Мунгэтэ-Булак, которые расположены в 40–90 км к югу от г. Нижнеудинска. Эти улусы по внешнему виду ничем не отличаются от русских селений сибирского типа. Юрты почти не сохранились; внутреннее убранство и обстановка избы нижеудинца ничем не напоминают бурятские жилища – все русское.

Занимаются ныне нижеудинцы земледелием, скотоводство развито весьма слабо, ибо сибирские оводы очень вредны для рогатого скота. Особенно стали они заниматься земледелием с момента проведения сибирской железнодорожной магистрали. За последние годы благосостояние нижеудинцев сильно пало, ибо вследствие земельной реформы Столыпина пришлые из Европейской России элементы вторглись в их лучшие земельные угодья. В связи с этим у них обнаруживается тяга к Бурятии.

Этнографически нижеудинцы почти совсем обрусели, национальные костюмы сохранились только у женщин (обувь, головной убор, хубāt'a и т. д.). Сохранились некоторые детали свадебного обряда (экзогамия, впрочем, не сохранилась; иногда берут жен среди унгинцев, обитающих около селения Зима), способы переработки молочных продуктов (зōкē – саломат). Шаманство почти не сохранилось, изредка приглашают карагасских шаманов, которые устраивают для них тайлганы (бескровные) мифическому предку бурят – Бухā-нојōн'у. Они все православные и ревностные при том почитатели иркутского "святителя" Иннокентия, изображение которого во весь рост можно видеть в каждой избе нижеудинцев. По внешнему виду нижеудинцы ничем не отличаются от прочих бурят. По моим наблюдениям и по свидетельству самих нижеудинцев, у них очень мало стариков старше 40–45 лет. В большинстве случаев многие из них бездетны, общее число их достигает 350 душ обоего пола.

Так живет небольшое племя нижеудинцев, оторванное от всех монголов, некогда дуновением мятежного духа ойратов отброшенных вглубь сибирской тайги и ныне не имеющее особого будущего, как ныне же оно не имеет своего прошлого, которое утеряно им в самую темную и неизвестную эпоху монгольской истории – в XVII веке" [Санжеев 1930, с. 10–11].

В 1958 г. нижеудинских бурят посетила А. А. Дарбеева, которая в дальнейшем совершила ряд поездок к ним и собрала значительный лингвистический и фольклорный материал. По ее данным [см.: Дарбеева 1960, с. 118–119], нижеудинские буряты проживали в двух поселках: Кушун (старинное бурятское название Шугуул) и Мунтубулак. Буряты, жившие еще в период 1930-х гг. в Пороге, в последующие годы перекочевали в Мунтубулак, Кушун и частично Рубахино и г. Нижнеудинск. В этих двух поселках, Кушун и Мунтубулак, насчитывается 470 человек, тогда как, по данным Г. Д. Санжеева, в 1929 г. их было 350 человек (в общей сложности по трем поселкам). Как видно, прирост населения составляет 120 человек без учета поселившихся в Рубахино и Нижнеудинске. Кушунцы входили в состав Солонецкого колхоза, в котором 3/4 населения были русские, проживавшие отдельно от бурят в двух-трех поселках Солонецкого сельсовета.

Как свидетельствует А. А. Дарбеева, кушунцы, наряду с русскими этой местности, занимаются земледелием и скотоводством. Почти каждая семья имеет свой огород. Колхозу принадлежала довольно большая пасека, обслуживаемая бурятами. В Кушуне и в других бурятских улусах жильем служит не юрта, а обыкновенная рубленая изба. Во всем поселке сохранились всего 2–3 деревянные юрты, да и те служат лишь подсобным помещением, вроде кладовок. В них уже не живут. Все буряты, проживающие здесь, включая даже стариков, хорошо владеют русским языком. Причем заметно, что в общественных местах, на собраниях, в правлении чаще слышится русская речь, чем бурятская, либо смешанная. Дома говорят преимущественно по-бурятски, поэтому малолетние дети (дошкольного возраста) владеют русским языком хуже.

Среди такого современного уклада жизни весьма интересное явление представляет то, что кушунцы ежегодно весной справляют молочный *тайлган* (маёвка, как они его называют).

Но это празднество уже проводится без шамана, во всем остальном ритуалы *тайлгана* остаются прежними.

По утверждению А. А. Дарбеевой, в двух поселках, населенных нижеудинскими бурятами, жили представители 9 родов: *күлмээнгэ, кхуур, маальжирак, тэмээшэ, шир'эст, тур'эзлак, йантаэн, кхоршон, сагаан*.

Судя по преданиям, которые записала А. А. Дарбеева, роды *кхоршон* и *тур'эзлак* являются выходцами из Внутренней Монголии. Старейшие из кушунцев единодушно говорят о монгольском происхождении этих двух родов. Причем многие помнят легенду об их этногенезе. Так, например, весьма уважаемый на селе житель Сиренев Степан Николаевич (1878 г. рождения) сказал буквально следующее: "Монгол газарһаа йэркэдээ, койор йаһани күн йэрээ: тур'эзлак и кхоршон – монгол зангаар дорсон" ("Из монгольской земли пришли люди двух родов: туряйлак и кхоршон – по-монгольски дорсон"). Согласно этим преданиям, во главе кхоршонов стоял Мэнкэнэ, а предводителем туряйлаков был Нэмэргэ. За ними в погоню шли монголы. Свидетельством тому, по словам нижеудинцев, служат отдельные сохранившиеся географические названия, например, *Монгол харгы* "Монгольская дорога", которая находится в 25 км от Кушуна и проходит по лесу; по ней давно уже не ходят и не ездят, хотя название сохранилось; *Монгол дабаан* "Монгольский хребет", откуда якобы обозревали монголы всю нижеудинскую землю.

Такие роды, как *маальжирак, тэмээшэ* и др., по преданиям, которые помнили старики, относятся к местным жителям, издавна населяющим Предбайкалье. Это в общем-то не противоречит мнению ученых, которые утверждают, что буряты являются аборигенами Восточной Сибири и что монгольские элементы, пришедшие с юга, из степей Монголии, составили лишь один из компонентов бурятского народа.

При встрече с носителями данного говора, по мнению А. А. Дарбеевой, создается впечатление, что мы имеем дело с представителями так называемого западнобурятского диалекта. Однако более близкое знакомство обнаруживает различия не только в звуковом составе их языка, но и в области морфологии и лексики.

Тем не менее, с точки зрения лексического состава, нижеудинский говор стоит ближе к таким говорам, как аларский, унгинский, боханский и т. п. Сближению этих говоров способствовали, с одной стороны, родственные связи с унгинцами: наблюдались случаи обмена невестами. Эти девушки, оказавшись в несколько иной языковой среде, постепенно перестраивали свою речь, но в то же время сохраняли на всю жизнь некоторые особенности своего говора, передавая их своим детям. Поэтому в таких семьях обычно чувствуется известное смещение характерных черт унгинского и кушунского говоров.

С другой стороны, уже в советское время усилилась связь нижеудинцев с другими бурятами, молодежь нередко уезжает на учебу в Бурятию, где также приходит в соприкосновение с представителями других говоров.

Таким образом, в говоре нижеудинских бурят ощущается отсутствие языковой однородности. К тому же весьма значителен пласт заимствований из русского языка.

По нашим данным, полученным в основном в 1976 г. во время экспедиционной поездки к нижеудинским бурятам, в частности, в с. Кушун, следует, что нижеудинские буряты, общим числом около 500 человек, проживали в двух селах: Кушун (старое бурятское название его – *Шугуу һүүл*) и Мунгуту-Бурук. Эти села удалены друг от друга примерно на 30 км. При этом с. Кушун представляло собой бригаду колхоза им. Ленина. Кроме Кушуна в этот колхоз входили на правах бригад села Солонцы, Челоты и Порог. Сельсовет и правление этого колхоза-гиганта находились в Солонцах. Мунгуту-Бурук входил как бригада в колхоз им. Чехова.

У кушунцев нами были зафиксированы следующие родовые группы: *туряалак, мальджирак, тэмээшэ, барангар, йантаэ, коршун, кар коршун*.